

Колдовские *Миры*

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

РАДУЖНАЯ ТОПЬ
ИЗБРАННИКИ СМЕРТИ

Москва

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-35

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Зарубина, Дарья Николаевна.

3-35 Радужная топь. Избранники Смерти / Дарья Зарубина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-091813-3

Вот-вот положит конец бедам Чернский князь. Владислав нашел способ справиться со страшным проклятием – радужной топью, которое грозит опустошить и его княжество, и все Срединные земли. Красавица-княгиня носит под сердцем наследника. Но нет в княжеском тереме мира и покоя. Сгущаются темные тучи над головой Влада, предвкушает страшную месть черная ворожея, собирают воинов под свои флаги заговорщики-соседи. Сумеет ли травница Агнешка выкупить у темных сил жизнь того, с кем связана самой судьбой? И какую заплатит цену?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зарубина Д., 2018
ISBN 978-5-04-091813-3 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Дай нам Землица легкой дороги, когда и птица не чиркнет, и зверь не хрустнет веткой в ночи. У кого судьба тяжела, тому любая дорога легкой покажется. Ворожея, видно, не ждала лиха от темных зарослей. Что может ей, с ее-то силой, сделать лесной зверь? Шагала скоро. Мимо нее, погромыхивая колесами, прокатилась поздняя повозка. Седоки, казалось, дремали, да только притворством не обмануть было старую колдунью. Она почувствовала, как оба — и слуга, и господин — проводили ее недобрым взглядом.

Ворожея усмехнулась. Черный ветер нырнул под платок, шепнул на ухо.

Она испуганно обернулась вслед повозке, сверкнула глазами, но одернула сама себя: не время еще. Получит свое князь Владислав.

Уж за ближним лесом виднелась городская стена. Продрогшие часовые притопывали на ветру, а облаченной в черное женщине словно и дела не было до холодного дыхания осени. Она все так же скоро пошла дальше, опираясь на узловатую палку.

Навстречу ей выскочил, тяжело дыша, большой гончак. Колдунья замахнулась было на него палкой, пес зарычал, требуя дороги. И на мгновение — не увидеть такого простому мертвяку, только магу — блеснула в его зрачках радуга.

— Прости, матушка, не признала, — торопливо выставила вперед два пальца ворожея. — Иди с миром, за кем сестрой послана.

Женщина почтительно отошла на обочину. Пес рванул дальше, взметая облака пыли. А колдунья двинулась своим путем. В воротах ее никто не окликнул: часовые одновременно что-то заприметили в осеннем небе, удивленно уставились ввысь — и женщина проскользнула незамеченной. Видно, она хорошо знала Черну, потому что по сторонам не оглядывалась, дороги не спрашивала — шла скорым шагом прямо в сторону княжеских хором. Но не гостьей, видно, прибыла. Обошла околицей, постучала трижды в маленькое окошечко кухни. Дверь отворилась, и на пороге предстала Агата Бяломястовская, бледная как смерть, неподвижная, суровая. За ее спиной суетилась, прогоняя прочь назойливых девок, толстая нянька.

— Она это, она, — проговорила книжница, хромяя к двери. — Входи, Надзея, — и добавила сдавленным шепотом: — Принесла ли?

Женщина не ответила, бросила на хромоногую один только быстрый взгляд — и столько в нем было презрения, что впору платком с лица оттирать да отряхиваться. По-прежнему опираясь на палку, ворожея склонилась к ручке княгини Агаты. Та, не проронив ни слова, махнула ручкой: мол, за мной иди. Ведьма прошла мимо замерших по углам девок, одарив каждую тяжелым, грозovým взглядом. И у каждой тотчас нашлось дело, да такое срочное, что пора бежать, причем на другую половину дома, подальше от жуткой бабы.

Агата шла, не оглядываясь, широко, сколько позволяли в шаг юбки. Ворожея, казалось, едва переставляла ноги, а все не отставала. Нянька, сопя и шаркая туфлями, поспешала за ними, но отставала все больше, а попросить хозяйку и колдунью погодить мешала проклятая гордость.

Эльжбета сидела на постели, капризно скривив губки, но, увидев мать, вскочила, едва удержалась на слабых ногах. В мутных от беспрестанных слез глазах затеплолось сальной свечкой любопытство.

— Пришла бабка, — бросила Агата, движением руки заставив дочь сесть. Эльжбета приосанилась, сколько позволяло ее положение, да только прежней лебеди и след истаял — кура растрепанная, да и только.

Агата с горечью отвернулась от дочери, позвала, стараясь говорить как можно любезнее:

— Входи, бабушка...

Глухо и грубо прозвучал голос. Да и где взяться ласке, если пришел черный день? Ветрову служанку приходится в дом впустить. А как иначе? Любую земную силу Владислав тотчас учует, словно орех расколет да скорлупки в ладони в пыль разотрет. Силен зять, оттого и выходит, что не защитит Эльку, дурыю голову — длинную косу, от мужа, души ветру не продав.

Как позволила уговорить себя, запугать? Попала, как ржаной сноп между двух жерновов: с одной стороны хромая нянька беду кличет, с другой — Элька слезы льет. И обе в два голоса воют: «Отмолишь, матушка, а если прознает князь, уж жизни ни своей, ни дочерней не выкупишь».

Хотела Элька дитя убить. Рано или поздно узнает Владислав. Проще бросить дуру одну со старой книжницей, что ей пятки лизать готова, да первым возком к Якубу — болит что-то по нем сердце. Да как бросишь родную кровинку, как ее, располневшую, косматую, глупую, оставишь на растерзание Чернцу?!

Агата отошла на шаг, пропуская в двери пришлую колдунью.

— Бабушка, — усмехнулась та из-под платка, тяжело опираясь на палку, вошла в комнату, оглянулась. И княгини едва не ахнули обе: в одно мгновение превратилась гостя из бабушки в барыню. Выпрямилась спина, гордо поднялся подбородок.словно выше ростом стала в один миг колдунья. И ветер, которому и взяться бы неоткуда в покоях с запертыми ставнями, пролетел, всколыхнул складки на юбках.

— А не знаешь ли ты, матушка, словницу Ханну? — невпопад спросила у гостьи Эльжбета. — Она тоже из Бялого. Уж больно стать у вас схожа.

В дверях, тяжело дыша, появилась нянька. Колдунья, надменно изогнув бровь, бросила ей склянку с какой-то бурой жижей, и нянька торопливо вытащила ногтями пробку и опрокинула снадобье в рот. Скривилась от отвращения, привалилась к дверному косяку, прикрыла глаза.

— Не знаю я Ханны. И господин мой не знает. Мы, те, что под Небом всеильным ходим, друг друга всегда распознаем. Нет среди небовых жриц словниц. Обманула тебя, княгиня, эта Ханна. Ну да ничего. Я не обману. У нее ты тоже просила мужа извести?

И мать, и дочь дернулись вперед, зашикали: что ты! Мыслимое ли дело, в таком-то доме болтать. Слетят с губ неосторожные слова — а за ними и головы с плеч покатыются. Прибьют их в рядок на Страстную стену.

Ворожея улыбнулась удовлетворенно, поняв, что оказалась права.

— Не отвечай, княгиня, я поняла. И даю слово тебе — все силы, что есть моих и тех, что Небом-батюшкой даны, направлю на то, чтоб к первому снегу назвали тебя вдовой! Желаеть ли дитя сохранить?

— Да что ты говоришь? — зашипела Агата. Даже ради Эльки не могла она такого вынести. — Что мелешь? Душу губить невинную, Землей благословленную на княжение? Ведь Владислав Чернский и дитя, что Эльжбета в утробе носит, — последние, кто имеет право на Чернскую землю. Не только душу земную, но и край загубишь. Земля мертвая встанет на годы. А там начнут липовые наследники удел Чернский друг у друга рвать: тут не две капли крови на древний камень, тут реки кровавые прольются...

— Нельзя его убить, — сдавленно проговорила Эльжбета. — Я пыталась. А ведь золотница, не какая-нибудь ворожея. Только отповедью себя покалечила.

Она подняла рукава, показывая поблекнувшие синяки на бледной коже.

— Это пока он в утробе и колдовством князя защищен. Должен Чернец будет защиту снять, чтоб позволить наследнику родиться. А в родах не муж, я подле тебя буду. Вот и скажи мне, как будущей твоей повитухе, живого аль мертвого сыночка желаешь на руки взять, как разродишься?

— Да что вы такое городите обе?! — всплеснула руками Агата. — Нянька! Хотя ты ей скажи!

Нянька открыла глаза, недоуменно глядя вокруг. Прошлась упругой походкой, легко ступая на выздоровевшую ногу.

— Задремала я, матушка, не слышала, о чем вы тут. Да только скажу, что Надзея знает, что говорит. Ей такое под силу, что нам и не выдумать. Я, матушка Агата, тебя послушалась — и без ноги едва не осталась, а когда ее слушать стала — снова хожу. Так что за правду не сердись и советы ее принимай смело.

Нянька, радуясь тому, что отступила проклятая боль, прошла еще раз до окна и обратно, словно поделив покои надвое: в одной стороне — скалящаяся довольной лисой ворожея Надзея и красная от злости на мужа Элька, в другой — растерянная Агата Бяломястовская. Но не стала бы Агата хозяйкой Бялого, если б не умела ответить любому зарвавшемуся холопу.

— Я тебе плачу, а не она. — Агата ткнула пальцем в Эльжбету. — Потому у меня и спрашивай. Внука мне оставишь, и если случится что с ним — ответишь своей головой.

Взгляд Надзеи вспыхнул таким гневом, такой злостью, что Агате захотелось заслониться от него рукавом, так прожигал он. Но выдержала госпожа Бялого этот взгляд, не дрогнула. Надзея опустила голову и кивнула с покорностью, мол, как пожелаешь, матушка...

Глава 2

— Кто я, чтоб господской воле противиться. Матушка, кто же знал, как оно все перекрутится, повернется... — шептал себе под нос возчик Славко, одной рукой придерживая вожжи, а другую то запускал в густые черные волосы, то теребил пальцами косматую бороду.

Его тревога не укрылась от внимательного взгляда седоков. Только каждый повел себя по-разному: господин не сводил глаз с возницы, а сумрачный закраец, наоборот, внимательно зыркал большой хищной птицей по сторонам, словно за каждым кустом ждал засады.

— Куда это ты правишь, Борислав Мировидович? — спросил князь тихо. — Здесь к башне направо, а ты влево берешь. Не иначе задумался?

Возница затряс головой, не проронив ни слова. Хлестнул лошадок. Повозка поворотила направо.

Бородач и правда был словно сам не свой. Вздрогнул, когда князь перебрался к нему на козлы, похлопал холеной ладонью по плечу.

— Прости, манус Борислав, не подумал. Не так я жесток. По глупости это.

Возчик поглядел на князя с таким изумлением, будто впервые увидел.

— Зря я тебя заставил поворотить. И правда, ехали бы дальше налево. В Конки, в Запряжино. Забыл я, друг Славко, что едем к той самой башне, у которой с тобой беда случилась. Нет мне за то прощения, но ты все-таки постарайся. Но если станет невмоготу — повернем назад. Едем ли?

Тут уж и Игор повернулся и с удивлением уставился на хозяина. Не мог понять, отчего тот так ласково говорит с каким-то мужиком. И благо бы с магом.

— Не смотри так, Игор, — улыбнулся князь. — Я Бориславу Мировидовичу по гроб жизни обязан. Ни тебя, ни Конрада еще со мной не было, а радужная топь уже нача-

ла понемногу окошки свои открывать. Вот и стал я строить сторожевые башни и сажать в них магов, да только не все рассчитал. Раз сумели закрыть, два. Хватало сил, магии. И топь тогда была не так сильна, быстро насыщалась. Да только случилось так, что пришлось вот ему, — князь указал глазами на возчика, — одному против топи выйти. Манусу, Игор. Без подмоги. Под моим полным гербом.

— Как не убила тебя топь? — рыкнул на возчика за-краец.

Возница только дернул плечами: не знаю, мол. А князь продолжил:

— Не убила, верно. А силу всю досуха выпила. Вот этот долг и кое-какие другие, Игор, я и пытаюсь заплатить. Веришь ли, друг Славко, совсем скоро заплачу. Согну в дугу радужную топь.

Владислав снова хлопнул возницу по широкой спине, улыбнулся.

— Что, Игор? Хочешь спросить, здоров ли я, что вот так случайному человеку рассказываю?

Великан ничего не сказал, только хмыкнул.

— Непокойно тебе, Борислав Мировидович. Не можешь ты этого скрыть, хоть из-за топи, видно, мысли твои прочесть я не могу. Вот и хочу, чтоб знал ты: почти нашел я управу на радугу. Дай срок, и будет у каждого в доме склянка, которой можно топь унять. И если везешь ты нас с моим Игором в западню — подумай, стоит ли горсть золота того, чтобы всю землю без снадобья моего оставить. Один на один с топью, как когда-то ты сам стоял.

Щеки и уши возчика залил густой румянец.

— Так, говорят, ведьма какая-то топь насылает? — спросил возчик грубовато, словно бы сжимаясь под внимательным взором Чернского властителя. — Если беда пришла, завсегда баба виновата.

— Это верно, — рассмеялся князь. — Все зло от них. Как женатый человек тебе скажу. Видишь, самолично по

башням побежал, лишь бы с супружницей в тереме не сидеть. Так и ты ведь женат, а в возчиках. Дома совсем худо? Неуж не хватает вам того, что я плачу?

Возница промолчал, и князь не стал допытываться. Хорошо ли будет дома, если шла девица за княжьего мануса, а приходится жить с увечным, по силе, почитай, мертвяком.

На башнях все было спокойно. Пока князь беседовал с башенными магами, Игор и бородатый возчик остались подле лошадей. Возчик — подальше от князя, краец — присмотреть за странным калеккой. Возле первой же башни, в Рябом, увязался за ними большой пес, с виду гончак хорошей породы, только запыленный и вымотанный бегом. Невольно подумалось Владиславу: не сбежал ли широколобый паскудник из своры Казимежа? Князь умер, пса искать не стали, а он за кем-нибудь погнался, да и заплутал. Вот и вяжется за каждым обозом, надеется унюхать знакомый запах и добраться домой.

Видно, этот самый запах учуял он от возницы, потому что нырнул тому под ноги и принялся, колотя хвостом и чихая от пыли, тыкаться бывшему манусу под руку носом. Когда Владислав подошел, гончак зарычал, ощерившись.

— Пойдешь ли за нами в Бялое? — спросил князь сурово. Пес притих, прислушался к его голосу, склонив голову набок — словно понял что: вывалил широкий розовый язык и принялся мести хвостом по траве.

Владислав не сдержался и потрепал пса по ушам, но, заметив странный взгляд возчика, убрал руку. Пес ловко прыгнул на воз и уселся возле закрайца, словно тут ему и приказано.

— Задница у тебя, приятель, как у пекаря, — толкнул его локтем Игор. — Ну-тка подвинься, а то Владиславу Радомировичу места не станет. Экий хлыщ. Ногами бежишь!

Собака обиженно фыркнула, но от тычка закрайца не пожелала сдвинуться ни на толику, словно давая понять, что князь и его спутник на возу — гости, а он — хозяйский любимец и место свое уступать кому попало не намерен.

— Ах ты, наглая тварь, — замахнулся на пса закраец, но возчик остановил его:

— Мой это пес. Дома оставил, а он за мной побежал. Боюсь, если скажу до дому возвращаться — дороги не найдет. Башка широкая, а ума как у тетерева.

Князь пристальнее посмотрел на собаку — не мог он ошибиться, Казимежев был пес. Кажется, даже видел он его при князе в Бялом.

— Ну-ка, Проша... Дай-ка батюшке-князю места, — проговорил он ласково. Возчик вздрогнул, собака вскинулась, услышав свое имя. — Ведь не купил ты ее, Славко, верно?

— Прибилась в пути, да так со мной и пошла. Уж пару месяцев при мне, — признался возница.

— Это князя Казимежа из Бялого пес. Гончак большой цены, — разъяснил Влад, видя, как наполнились горечью глаза возницы. — Вернуть его ко двору Бялого нужно. Захочет новый князь — подарит его тебе или продаст, если ты цену сможешь дать. Уверен, что за то, что вернул его, наградит. А вот если оставишь себе собаку и узнает в ней кто любимца князева — вором тебя назовут и поступят как с вором.

Возчик понуро кивнул: мол, понял, не дурак.

Владислав потянулся рукой к ошейнику собаки, чтобы продеть в петлю веревку и привязать пса, но отдернул руку, потер пальцами веки. На мгновение показалось ему, что глаза собаки превратились в радужный круг. На границе зрения мелькнуло что-то белое.

Владислав огляделся, позвал мысленно: «Высший маг Мечислав? Ты?» Но в ответ только ветер прошелестел по кустам. На мгновение показалось...

Глава 3

...что кто-то следит за ним из густой зелени семицветным взором. И под прицелом этих страшных глаз так неудобно, так тягостно. Жжет руки пролитая кровь, разъедает кожу, словно кипящая смола обжигает, калит.

Якуб опасно опустил глаза на свои ладони и вскрикнул: так и есть! Кровь! Кровь! Все руки ею перемазаны!

Он принялся тереть их о рубаху, но ничего не помогало. Якуб на нетвердых ногах подошел к двери, крикнул:

— Ядзя, воды дай! — и тотчас застонал, вспомнив, что уж нет ее в Бялом. Давно нет, к сестрице сам отослал. А всего-то и вины на ней было, что добрая, как телка: губы теплые, ресницы длинные, ко всякому идет. Сам прогнал, а была бы сейчас рядом Ядвига, может, и пришли бы на глупый бабий язык слова, что утишили бы больную совесть, заплатали проеденное виной, как мышами старая одежда, сердце княжича.

— Иларий!

Якуб выглянул за угол. Приснула прочь какая-то девка. Да и что с нее взять, уж верно, все знают, что обезумел наследник. Такую весть не утаить, как ни крутится Иларий. Вот кто верный друг. Да только как назло нет его рядом, когда нужен.

Якуб схватил рушник с пустого умывальника и, растирая им до красноты руки, побежал по переходам, крича слабым, слезливым голосом:

— Иларий! Иларий!

Занят был манус. Какая-то горожаночка, чернявая, одернула подол, залилась румянцем да так зыркнула из-под собольих бровей, что Якуб отступил за дверь и попросил прощения, что помешал.

— Подожди меня тут, Кася, — сказал манус. И хоть ласково сказал, а стало ясно княжичу, что в досаду Ила-

рию гостя. Только плевать Якубу было и на Илажку, и на баб его — руки, кровавые руки как отмывать?

Иларий взял его перемазанные кровью ладони в свои, и тотчас по сильным пальцам мануса потекли, роясь, верткими змейками ручейки силы. Якуб хрипло ахнул, увидев, что руки его чисты, нет на них ни единого пятнышка, только кожа местами красноватая, полотенцем натерта.

— В землю кровь ушла, Кубусь, — проговорил манус ласково, точь-в-точь как своей любовнице.

— Была, Иларий. Кровь. С пальцев на пол капала... — попытался оправдать свой страх Якуб, но манус только горько покачал головой.

— Чья она? Может, то Земля мне пророчит, что смерть по мою душу уж из терема небесного вышла?

— Нет, Якубек. Привиделось тебе. Спал плохо, вот и пригрезилось. Зря ты поднялся. Отдохнуть тебе надобно. Последние гости вот-вот на двор, а ты бледнее Безносой, трясешься как осиновый лист. Сон это был или спросонья померещилось, да только нет у тебя на руках крови. Землицей клянусь. Послезавтра выйдет князю — пухом Землица ему — двадцать один день, трижды седьмой. Поправиться тебе нужно, Якубек, и к камню родовому на твердых ногах выйти. И пролить кровь без страха, а когда камень засветится и все князем тебя признают...

— Пролить кровь, — тихо повторил Якуб. Глаза его невидяще остановились на чем-то за спиной Илария. Уголки губ поползли вверх, зубы обнажились в жутковатой улыбке. — Уж я пролил, Илажка! Тебе ли не знать! Кровь — на полу, на лавке. Всюду кровь. Или ты не видишь, как она по стенам течет? Ослеп ты, что ли, Иларий?

Якуб выдернул руки из ладоней Илария, блуждая диким взором по стенам и потолку, покачнувшись, ухватившись за плечо мануса.